

Л. М. Дробижева

**НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ:
БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ**

К изучению национального самосознания в последнее время привлечено внимание этнографов, социологов, историков, философов¹.

Научное и практическое значение его исследования в нашей многонациональной стране очевидно. Как отмечалось в документах Коммунистической партии, рост национального самосознания у народов СССР — закономерный, объективный процесс. Вместе с тем общество заинтересовано в том, чтобы не допускать его гиперболизации². Для этого важно знать базу и механизм его формирования, возможные стимулы роста и те реальные ситуации, которые, способствуя естественному развитию национального самосознания, не препятствуют дружественным межнациональным отношениям, или же те, которые, наоборот, нарушают эту гармонию.

Рассмотреть все эти вопросы в рамках статьи, конечно, невозможно. Мы видим свою цель в том, чтобы, сочетая теоретическую разработку проблем с материалами этносоциологических исследований, попытаться ответить на вопрос, почему при тенденции к сокращению этнической специфики в культуре национальное самосознание не теряет своей почвы³, представить, как меняется его база, основание для его формирования, какие социально-культурные факторы могут в современных условиях стимулировать его развитие.

В литературе высказывалось мнение о том, что национальное самосознание имеет две стороны — идеологическую и психологическую — и функционирует как на уровне общности в целом, так и на уровне личности⁴. Конечно, полностью разделить изучение этих двух уровней национального самосознания, как справедливо подчеркивают исследователи, нельзя. Самосознание этнической общности «как функционирующая реальность проявляется, лишь будучи актуализированной мышлением отдельных людей. Одним словом, было бы недостаточно корректно не только полностью отождествлять самосознание этнической общности и этническое самосознание личности, но и абсолютизировать их разли-

¹ Весьма подробный историографический обзор работ по этой проблеме содержится в кн.: *Хабидулин К. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. Учебное пособие. Пермь, 1974; *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 86—101; *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 173—179.

² XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1981, с. 74, 75; *Андропов Ю. В.* Шестьдесят лет образования СССР. — Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983, с. 11; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 17, 18, 72.

³ Мы употребляем термин «национальное самосознание» не только потому, что эмпирические исследования велись в среде наций Советского Союза, но и потому, что, как отмечалось в литературе, прилагательное «национальное» может рассматриваться как производное и от слова «нация» (широкое значение), и от слова «национальность» (узкое значение, однопорядковое с этническим) (см. *Бромлей Ю. В.* Указ. раб., с. 175).

⁴ *Даудамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку: Элм, 1976, с. 137 и др.; *Бромлей Ю. В.* Указ. раб., с. 176; *Зиманас Г. О.* Пролетарский интернационализм и мировой революционный процесс. — Коммунист. Вильнюс, 1970, № 8, с. 26—27.

чия»⁵. Конкретное изучение национального самосознания на уровне личности имеет объектом человека — представителя национальной общности или, еще точнее, личность в группе.

Национальное самосознание личности — это осознание субъектом совокупности своих национальных (этнических) связей и своего отношения к ним⁶. Оно является составным элементом, частью структуры самосознания личности в целом. Психологи выделяют три компонента самосознания: познавательный (самопознание), эмоционально-ценностный (самоотношение) и регулятивный (саморегуляция поведения личности)⁷. Но исследований, учитывающих все эти компоненты на выборках, достаточно репрезентативных для межнациональных сравнений, насколько нам известно, в отечественной социальной психологии не было.

Для решения задач, поставленных в данной статье, важна содержательная характеристика национального самосознания, содержательная структура тех представлений и знаний, которые осознаются людьми как свои связи с этносом, а также отношение к ним. Поэтому при выделении структурных элементов национального самосознания мы исходили из определений, сложившихся в этнографической и исторической литературе.

Вычленение таких его элементов зависит от понимания национального самосознания в узком значении как национального самоопределения — идентификации или в широком, к которому склоняются теперь исследователи, высказавшиеся по этому вопросу⁸. Набор элементов и в последнем случае различается: у одних авторов дается в более обобщенном, у других — в конкретном варианте. Для эмпирического изучения, естественно, целесообразнее последний. Наиболее полное представление о национальном самосознании, пригодное для поисков его операционного определения и индикаторов, отражающих элементы его структуры, дано Ю. В. Бромлеем в «Очерках теории этноса». В структуре национального самосознания выделяются такие элементы, как национальная идентификация⁹, «представление о типичных чертах „своей“ общности, ее свойствах как целого», и об общности исторического прошлого народа. Если речь идет об этносоциальных образованиях, — а нации являются таковыми, — то они обладают территориальной общностью, и представление «о родной земле» также входит в самосознание. То же можно сказать и о государственной общности. В зависимости от конкретно-исторической политической ситуации, в которой живут люди той или другой национальности, можно говорить о том, что осознание государственной общности либо включено в национальное самосознание, либо взаимодействует с ним. Представления о своем этносе не просто суммируют те или иные черты, они предопределяют и «ценностное отношение к ним»¹⁰. Учитывая это, можно гово-

⁵ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 177.

⁶ Дашдамиров А. Ф. Национальные моменты индивидуального самосознания: Дис. на соискание уч. степени канд. философ. наук. М., Ин-т философии АН СССР, 1968, с. 17—18; Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971, с. 128—129; Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания: Дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1978, с. 11—12.

⁷ Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977, с. 30, 142; Кон И. С. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984, с. 29—30; Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 104—105.

⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 97; его же. Очерки теории этноса, с. 76; Дашдамиров А. Ф. Указ. раб., с. 137 и др.; Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; Куличенко М. И. Указ. раб., с. 95; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977, с. 202 и др.

⁹ В. И. Козлов рассматривает этническую принадлежность не только как главный, но и практически как всеобъемлющий признак этнического самосознания. См. Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — Сов. этнография, 1974, № 2.

¹⁰ См. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 176, 182, 183, 189.

рять как о самостоятельном элементе об осознанном отношении к материальным и духовным ценностям нации¹¹, ее достижениям, ориентациям на них. Наконец, существенным элементом национального самосознания является осознание национальных интересов¹². Как отмечает И. С. Кон, «самосознание предполагает фактическое единство, преемственность и последовательность установок и ценностных ориентаций, осознаваемых как личные интересы и склонности»¹³. Практически все элементы в той или иной мере связаны с чувствами, настроениями, восприятием, установками, ориентациями. Мы попытаемся рассмотреть все выделенные элементы на материалах этносоциологических исследований, исходя из главных аспектов теории самосознания¹⁴: осознание людьми своей национальной принадлежности, их представление о характерных для своего этноса чертах, наконец, то ценностное значение, та идеологическая нагрузка, которую несет национальное самосознание.

Конкретное изучение национального самосознания сложно прежде всего потому, что трудно подыскать индикаторы, адекватные каждому из его элементов. Даже у одного народа оно может проявляться то в гордости своими историческими деятелями и героями войны, то аккумулироваться вокруг юбилея крупного исторического события или же сосредоточиться на празднике песни или имени спортсмена, выигрывающего мировое первенство. У разных народов в один и тот же период оно фокусируется вокруг разных символов. Например, вокруг языка у франко-канадцев, вокруг религии у североирландцев, вокруг завоевания своей государственности у народов, борющихся против колониальной зависимости, и т. д. И на уровне личности национальное самосознание меняется не только в связи с возрастными особенностями, но и с разными ситуациями, в которых оказывается человек. Все эти нюансы приходится учитывать и при изучении, и при интерпретации явлений национального самосознания. И все же исследователи делали попытки отыскать некоторые более или менее стабильные проявления интересующего нас феномена. При этом они исходили из представления, что в процессе отражения явлений внешнего мира в сознании происходит и определение их значения для человека, его отношения к ним¹⁵. Это выражается в формировании соответствующих установок, ценностных ориентаций, интересов, стремлений и чувств. Следовательно, фиксация их, так же как и поступков, в которых они находят выражение, может быть использована для изучения самосознания личности, в том числе ее национального самосознания. Полностью отдавая себе отчет в относительной точности, с которой удается «уловить» национальное самосознание (в силу как ограниченности введенных в исследования индикаторов, так и не столь широкого поля исследований), попытаемся все же обобщить данные о функционировании и реальной базе, объективной основе каждого из элементов национального самосознания.

Мы располагаем представительными данными по нациям и основным группам некоренных национальностей в союзных республиках — РСФСР, Узбекской, Грузинской, Молдавской, Эстонской ССР, которые изучались в ходе Всесоюзного этносоциологического исследования, про-

¹¹ М. И. Куличенко включает этот элемент в структуру национального сознания. Но одновременно он считает, что национальное самосознание — это осознание общностью людей «самих себя» (Куличенко М. И. Указ. раб., с. 85), следовательно, этот элемент входит в структуру и «национального самосознания».

¹² М. И. Куличенко выделяет как компонент осознание нацией необходимости своего сплочения для осуществления национальных интересов. См. Куличенко М. И. Указ. раб., с. 92.

¹³ Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967, с. 56.

¹⁴ В разработке этой теории большую роль сыграли работы И. С. Кона. См.: Кон И. С. К проблеме национального характера. — В кн.: История и психология. М.: Наука, 1971; его же. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978; его же. В поисках себя. См. также Чеснокова И. И. Указ. раб.

¹⁵ См. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 244.

веденного в 1971—1982 гг. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР¹⁶. Национальная идентификация изучалась у удмуртов¹⁷, а также карел и вепсов в Карельской АССР¹⁸. Хотя полной сопоставимости объектов, на которых изучались отдельные элементы национального самосознания, не было (более полно во взаимосвязи элементы национального самосознания были представлены во время повторных исследований сектора социологических исследований Института этнографии АН СССР в 1979—1982 гг. в столицах союзных республик), все же собранный материал дает основания для некоторых выводов.

Еще до того как теоретически были выделены все элементы национального самосознания, внимание исследователей концентрировалось вокруг национальной идентификации, по которой и судили о развитии самосознания людей той или другой национальности. Осознание своей этнической принадлежности, действительно, одно из самых очевидных проявлений национального самосознания. Однако для оценки значимости этого индикатора методологически важно иметь в виду следующее существенное обстоятельство. В процессе развития человека во взаимодействии со средой у него складывается представление об окружающей его действительности, как говорят психологи, «образ мира» и выделяется образ «Я» как часть образа мира¹⁹. При этом представление о своей этнической принадлежности тоже лишь часть образа «Я». Значимость этой части для человека определяется в сравнении с другими аспектами его идентичности: осознанной принадлежности к классу, профессиональному слою, локальной общности и т. д. В сравнении с реальной социальной группой — классом, социально-профессиональным слоем — этническая общность не всегда выполняет существенно значимые социальные функции. Если социальное и национальное деления не совпадают, если нет соперничающих социальных групп, различающихся по национальному признаку, нет межнациональных конфликтов и напряжений, принадлежность к этнической общности становится для личности если не формальным, то, во всяком случае, несравнимо менее существенным признаком, чем принадлежность к социальной, политической группе, коллективу. Именно особенность социально-политической ситуации, в которой оказывается этническая общность, определяет отчетливость осознания людьми своей национальной принадлежности.

В обычных условиях, а точнее, без напряжений и «внешнего давления» для национальной идентификации большее значение приобретают те культурные различия, которые осознаются в процессе межэтнических сопоставлений. Это представляет особый интерес для этнографов с точки зрения выяснения взаимодействия реально бытующей этнической специфики в культуре и отражения ее в национальном самосознании. Анализируя материалы конкретных исследований, мы сначала остановимся на отчетливости национальной идентификации, так как именно по этому индикатору чаще всего судят о базе национального самосознания в целом и дают оценки устойчивости этнических характеристик этноса.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что степень отчетливости национальной идентификации у народов заметно различается, и это связано с сохранением этнокультурной специфики, тенденции изменений которой отнюдь не столь однозначны, как это иногда пред-

¹⁶ Руководитель исследования и автор программы «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» — Ю. В. Арутюнян. В наиболее широких, массовых исследованиях проблемы национального самосознания не были главным предметом исследования. Специально им были посвящены следующие работы: *Кожанов А. А.* Указ. раб.; *Клементьев Е. И.* Социальная структура и национальное самосознание. Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1975; *Снежкова И. А.* К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества. — Сов. этнография, 1982, № 1.

¹⁷ *Пименов В. В.* Указ. раб.

¹⁸ *Клементьев Е. И.* Указ. раб.; *Кожанов А. А.* Указ. раб.

¹⁹ *Кон И. С.* Открытие «Я»; *Раусте фон Выхт М. Л.* Образ «Я» — как подструктура личности. — В кн.: Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982, с. 104.

ставляется. Этот вывод совершенно очевиден, если сравнить материалы по грузинам Тбилиси (т. е. той части грузинского населения, которая позволяет прогнозировать тенденции развития нации с устойчивой этничностью), по городским удмуртам (представителям нации, у которой, по оценке специалистов, в целом происходит постепенное сокращение чувства этнического, но в ближайшем будущем едва ли можно ожидать резкого спада этничности народа в целом)²⁰, карелам и вепсам в Карельской АССР (интеграционные процессы в культуре которых, как считают этнографы, наиболее выражены). Если у карел, вепсов, в известной мере у удмуртов значения признаков, по которым люди этих национальностей идентифицируют себя со своим народом, невелико (32—35% ответили, что их сближает со своим народом родной язык, 9—12% считают, что их сближают обычаи, обряды, 6—18% — психологические характеристики)²¹, а среди опрошенных в Карелии 80% вообще не задумывались о том, что их сближает со своим народом²², то у грузин совсем иная картина. Свыше 80% из них ответили, что их роднит со своим народом язык, свыше 70% назвали обычаи и обряды, до 50% и более считали, что их связывает духовная культура, особенности характера, место проживания. Доля затруднявшихся при ответах на такие вопросы у грузин не превышала 10%. Естественно, надо учитывать, кто отвечает на вопросы. Люди более образованные, чаще общающиеся с лицами других национальностей, естественно, дают более полный и осознанный набор признаков своей идентификации. Но совершенно очевидно, что в данном случае различия связаны отнюдь не только с социальными характеристиками опрошенных. Среди удмуртов лишь около трети населения ориентированы на соблюдение традиционных свадебных обычаев и отдают предпочтение народным танцам и песням, около 40% выразили интерес к профессиональной музыке и 30% читают книги удмуртских авторов. Удмуртский язык считают родным в городе 69,5%, а говорят на нем на производстве 5,3%, в семье — 15%²³. У грузин иная база идентификации. По данным этносоциологических исследований, не менее половины грузин даже в городах предпочитают придерживаться национальных свадебных обычаев, 73% — традиций во взаимоотношениях супругов в семье, 61% — в нормах общения родителей и детей²⁴, 99% грузин считают родным грузинский язык²⁵, свыше 90% употребляют его дома и свыше 80% — на работе. И хотя в группах людей более молодого возраста и высокой квалификации наблюдается тенденция к демократизации в отношениях между членами семьи, широко распространено двуязычие, тем не менее и здесь функционирование родного языка и национальной культуры, в том числе на бытовом уровне, вполне устойчиво. Так что, хотя и наблюдается тенденция к сокращению этнокультурной специфики как базы национальной идентификации, переоценивать этот процесс нет оснований. А язык практически у всех народов остается стабильной основой национальной идентификации.

Как уже говорилось, мы исходим из того, что национальное самосознание шире, чем осознание этнической принадлежности. В него входят также элементы, признаки, по которым человек ассоциирует себя с той или иной этнической общностью. К ним относятся представления о характерных чертах своего народа, так называемые автостереотипы, характерные для обыденного сознания схематизированные, упрощенные представления, приписываемые всем членам общности без достаточного осознания возможных различий между ними сходные характеристики. Они формируются в сопоставлении с представлениями о других народах (национальные стереотипы, или гетеростереотипы). К признакам, по ко-

²⁰ Пименов В. В. Указ. раб., с. 220.

²¹ Кожанов А. А. Указ. раб., с. 89; Пименов В. В. Указ. раб., с. 99.

²² Кожанов А. А. Указ. раб., с. 88.

²³ Пименов В. В. Указ. раб., с. 96, 97, 124, 174, 180, 191, 198.

²⁴ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма. — История СССР, 1978, № 4, с. 102, 103.

²⁵ Численность и состав населения СССР. М.: Статистика, 1984, с. 124.

торым человек ассоциирует себя с этносом, относятся также представления о родной земле, об общности исторической судьбы.

Представление о типичных чертах своего этноса является основой для ассоциации себя с ним. Естественно, такое представление людей меняется, оно зависит прежде всего от реально функционирующих, типических черт, присущих не только этносу, но и социальному типу личности, характерному для общества и для каждого этапа его исторического развития. Личность как индивидуальный носитель общественных свойств представляет сложное единство индивидуального, особенного и общего. От индивидуального при исследовании массовых явлений и процессов мы вынуждены отвлечься, а особенное (в данном случае этнически специфическое) должно находиться в центре внимания. Содержание и интенсивность обыденных представлений о чертах своего и других этносов, т. е. то, какие характеристики и причины поведения приписываются группе (это явление в социальной психологии характеризуется как каузальная атрибуция в процессе межличностного восприятия)²⁶, существенным образом зависит от социальной, политической обстановки в обществе, в какой-то мере от исторических традиций. Это убедительно показал И. С. Кон в своей статье «Национальный характер: миф или реальность?»²⁷. Формирование же автостереотипов и национальных стереотипов основано на обыденной психологической интерпретации межкультурных различий в поведении людей.

В современных условиях при всем многообразии индивидуальных особенностей первостепенное значение у советских людей приобретают общие для всех граждан страны социальные характеристики²⁸, а не национальные. Это находит отражение и в представлениях людей о чертах своего этноса (автостереотипах). В Молдавии, например, при интервьюировании лиц некоренных национальностей в 1976 г. 20% опрошенных вообще не ответили на вопрос, какие качества присущи людям их национальности (вопрос формулировался так: «Всем народам свойственны общие черты, но есть и какие-то особенности, связанные с историческим прошлым, со спецификой культуры, характера. А как Вы считаете, какие черты присущи людям Вашей национальности?»). Около 50% интервьюируемых, отвечая, тоже, видимо, испытывали затруднения, так как дали однотипные ответы, назвав качества, поставленные в закрытом вопросе, т. е. в вопросе «с подсказом». (Вопрос формулировался следующим образом: «Ниже перечислены качества, присущие людям всех национальностей. Выберите, пожалуйста, те, которые, по Вашему мнению, особенно характерны для людей Вашей национальности». И далее давался набор наиболее часто называемых характеристик, черт. Например, доброта, гостеприимство, чистоплотность, трудолюбие и т. д.) 20% опрошенных назвали всего одну-две черты, характерные для своего этноса. Даже у грузин Тбилиси, у которых зафиксирован по сравнению с другими коренными национальностями в столицах союзных республик более полный набор качеств в автостереотипе, половина назвала всего три-четыре черты. Мы не будем останавливаться на содержании автостереотипов и национальных стереотипов (т. е. представлениях о других народах), так как это предмет специального анализа. Для нас сейчас важно отметить то обстоятельство, что представление об особенных, типичных для представителей этноса чертах в национальном самосознании выражено относительно слабо. Это и следствие интернационализации образа жизни людей, норм поведения, ценностей, и отражение благоприятных межнациональных отношений в стране.

²⁶ См. *Андреева Г. М.* Межличностное восприятие в условиях совместной деятельности. — В кн.: *Проблемы психологии личности*, с. 68, 71, 72.

²⁷ *Иностранная литература*, 1968, № 9.

²⁸ О характерных чертах социалистического типа личности см. *Г. Смирнов*. К. Маркс о личности, условиях ее освобождения и развития. — *Коммунист*, 1984, № 13, с. 38.

Известно, что с помощью психологических методик удается выявить более полные и выраженные автостереотипы и национальные стереотипы у представителей этнических групп, находящихся в непосредственном контакте²⁹. Однако эти методики недостаточно компактны и вряд ли применимы для массовых исследований. Кроме того, в них трудно учитывать все этнокультурные особенности каждого из этносов, и это нередко снижает возможности для достоверных сравнительных исследований. Примененный же при массовом интервьюировании инструментарий, как уже говорилось, давал основание для сравнимых выводов о невысокой в целом актуализации представлений о специфических психологических чертах этноса. Это может, видимо, свидетельствовать и об их угасании и меньшей значимости для людей в сравнении с другими личностными характеристиками. «Угасание» национальных автостереотипов не означает адекватного стирания характерных для культуры того или иного народа представлений о человеке и его предметном мире, системы значений. Изучение таких представлений нам кажется перспективным. Но это уже иной, научный ракурс осмысления специфических свойств этноса.

Что же касается таких элементов национального самосознания, как представление о территориальной общности, государственной общности, осознание связи с жизнью предшествующих поколений своего народа (что в социально-психологической литературе определяется как элемент психологического времени личности³⁰), то, они конечно, тоже не остаются неизменными, но стабильности в объективном основании для каждого из этих элементов несомненно больше, чем для «национальных стереотипов». Даже лица, живущие вне территории основного расселения своего народа, обычно сохраняют представление о ней как о признаке своей общности. Так, практически треть русских, проживающих в Тбилиси, считали (по результатам опросов начала 80-х годов) родиной РСФСР. Конечно, представление о родине значительно шире, чем представление о территории проживания своего народа. И, естественно, поэтому большинство тех же русских в Тбилиси (свыше 55%) считают своей родиной Советский Союз в целом. Тем не менее среди тех, у кого это представление конкретнее, локальнее, большая часть (30% из 45%) назвали родиной республику основного проживания народа.

У наций с относительно более устойчивым сохранением этноспецифических черт в культуре, например у грузин, общность территории среди признаков идентификации стоит в ряду не самой первой значимости (как упоминалось, в Тбилиси только 50% опрошенных грузин назвали место проживания как основание для идентификации). Но у тех национальностей, у которых особенно интенсивно протекают межэтнические интеграционные процессы и этнокультурные признаки теряют консолидирующее значение (например, у карел и вепсов, особенно занятых умственным трудом), признак «родная земля» оказался в числе индикаторов первой значимости³¹. В принципе может меняться значимость признаков — общности территории, государственной общности, но сама база для представления о них в условиях Союза Советских Социалистических Республик остается.

Что касается представлений об общности исторического прошлого, то база для них, естественно, сохраняется. Среди грузин Тбилиси примерно две трети ответивших на вопрос «Что Вас роднит со своим народом?» назвали общность исторического прошлого. Индикатором, отражающим этот элемент национального самосознания, в известной мере

²⁹ Интересное исследование авто- и гетеростереотипов осуществлено на материале национально-смешанного коллектива в Чечено-Ингушской АССР аспиранткой Института психологии АН СССР Г. У. Кцоевой. См. *Кцоева Г. У. Методы изучения этнических стереотипов.* — В кн.: Социальная психология и общественная практика. М.: Наука, 1985.

³⁰ См. *Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности.* — Знание — сила, 1983, № 9, с. 25—27.

³¹ *Кожанов А. А. Указ. раб., с. 83.*

может служить и интерес к литературе о прошлом своего народа, который по результатам этносоциологических опросов 70-х годов был велик. Среди произведений, сгруппированных по семи темам (книги общественно-политического содержания, по специальности, о психологии человеческих отношений, о любви и дружбе, приключенческо-фантастической тематики, о войне, литература о прошлом своего народа), последняя по степени проявленного к ней интереса у грузин была на первом месте, у узбеков — на втором, у эстонцев — на третьем, у русских — на четвертом (но у них интерес к литературе о войне, которая является тоже частью истории, — на первом месте)³².

Об интересе к истории своего народа свидетельствует и желание услышать по радио или увидеть по телевидению передачи на эту тему. Среди молдаван, например, такое пожелание высказали 70%.

Прошлое, естественно, чаще всего актуализируется для людей, когда они осмысливают настоящее. Психологи Е. И. Головаха и А. А. Кроник обращают внимание на высказывание М. Шагинян: «Сколько раз в жизни наскокивало у меня прошлое на сегодняшний и даже завтрашний день!»³³.

Обратим внимание на то, что при интерпретации этносоциологических данных о живом интересе к прошлому мы, видимо, должны иметь в виду особенности обстановки, в которой функционирует этот элемент национального самосознания. Если национальные автостереотипы и гетеростереотипы с научной точки зрения квалифицируются как приписывание определенных характеристик всем членам этноса без достаточного осознания возможных различий, а с политической точки зрения есть понимание опасности того, что они могут служить противопоставлению народов — и поэтому на них не акцентирует внимание пропаганда, то отношение общества к историческому прошлому иное. Исторические события оцениваются с классовых позиций, и при таком подходе они служат основой патриотического воспитания и широко используются пропагандой. Так что этот элемент национального самосознания постоянно расширяет свою базу, имея более выраженный идеологический аспект, так же, впрочем, как и отношение к культурным ценностям, достижениям своего народа. Как уже отмечалось в литературе³⁴, этносоциологическими исследованиями зафиксировано довольно заметное разнообразие в отношении к национальной духовной культуре. Среди наций, изучавшихся по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», предпочтение национальной народной музыки и танцам выразили чуть больше трети опрошенных среди эстонцев, до 60–70% у грузин и молдаван, свыше 80% узбеков (данные приведены по городскому населению, в среде которого процессы интернационализации идут активнее). Отношение к национальной музыке и танцам, как и к обычаям и обрядам, естественно, не адекватно реальному их бытованию. Оно отражает скорее ориентацию на этнически-специфические элементы духовной культуры того или другого этноса. Сравнительные материалы по городу и селу, по возрастным группам, а также по нациям с разной степенью включенности в урбанизационные процессы свидетельствуют о том, что база для данного элемента национального самосознания по параметрам традиционной культуры сужается (хотя пока она еще довольно значима, особенно у коренных народов Средней Азии, Закавказья, Молдавии), а по параметрам профессиональной культуры, наоборот, расширяется.

Конечно, мы вполне отдаем себе отчет в том, что предпочтение национальной, особенно народной музыки или танцев, — довольно условный индикатор национального самосознания. Можно любить нацио-

³² Анализ материалов опросов по данному признаку осуществлен С. С. Савокудом.

³³ Головаха Е. И., Кроник А. А. Указ. раб., с. 26.

³⁴ Арутюнян Ю. В. Указ. раб.; Дробижеева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981, и др.

нальную музыку, танцы, исполнять их, но не осознавать их как существенные для себя ценности и, наоборот, не слушая такую музыку и не исполняя танцев, быть заинтересованным в их сохранении. Чтобы выделить группы с такой заинтересованностью, можно попытаться включить в них тех людей, у которых зафиксированы совпадающие установки на национальное в различных сферах (духовной, материальной) и видах культуры (например, музыка, танцы, литература, соционормативная культура). Число людей с такими выраженными национальными культурными ориентациями заметно уменьшается даже если в набор показателей включаются реально значимые с точки зрения национального самосознания индикаторы. Соблазн же включения именно наибольшего числа индикаторов всегда велик. Ведь визуально мы наблюдаем, как даже отдельные элементы материальной культуры (сванки, тубетейки и т. д.) приобретают этносимволизирующее значение. Но как только мы начинаем изучать данное явление на массовом материале, оказывается, что круг людей, скажем, использующих элементы национальной одежды (за исключением среднеазиатских народов), очень невелик, и введение только одного этого индикатора сразу снижает долю людей с полным набором установок на национальные формы культуры (до 8—10% у грузин, молдаван и того меньше у эстонцев и русских). Это заставляет прежде всего отбирать те признаки отношения к национальной культуре, которые в широких массах населения могут быть тесно связаны с выражением национального самосознания. Среди использованных в этносоциологических исследованиях признаков таким, на наш взгляд, был выбор респондентами выдающихся деятелей культуры, которым они отдают предпочтение. Естественно, среди выдающихся писателей, ученых, композиторов, художников, артистов опрашиваемых во всех республиках называли деятелей не только своей национальности, но и других, внесших вклад в общесоюзную и мировую культуру. Если выделить долю лиц, в том или ином сочетании упомянувших хоть одного из выдающихся деятелей своей национальности, то среди узбеков, грузин, эстонцев она составит около 80%, среди молдаван — половину. Если же выделить группу ориентированных преимущественно на деятелей национальной культуры, что может служить более веским индикатором выражения национального самосознания, то среди эстонцев, русских, грузин, узбеков в нее войдет от 65 до 70%, среди молдаван — 22%. Ориентация на национальную профессиональную культуру, отношение к ней, очевидно, связаны в современных условиях с уровнем ее развития у каждого народа и, кроме того, с общим культурным кругозором людей. Нет оснований полагать, что база для отношения к достижениям народов меняется в сторону сужения; наоборот, не только выдающиеся художественные произведения прошлого становятся достоянием все более широких масс, но и современная национальная художественная культура получает всеобщее признание и становится предметом гордости. К тому же к ценностям и достижениям народов относятся отнюдь не только художественная культура, но и успехи в экономическом развитии, разработка ценных природных ресурсов, научные открытия и т. п.

С экономическим и культурным прогрессом тесно связана база и для другого, видимо, социально наиболее значимого элемента в структуре национального самосознания — национальных интересов. С развитием самого предметного мира, в который деятельно включаются люди той или иной этнической общности, расширяется поле возможной концентрации национальных интересов. Если исторический подход необходим при анализе возникновения и развития самосознания в целом³⁵, то в отношении национальных интересов он особенно актуален.

Национальные интересы — одно из самых сложных социально-психологических образований в системе национального самосознания. В формировании их, превращении потребностей в осознанные интересы решаю-

³⁵ См.: Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М.: Госполитиздат, 1960, и др.

шую роль играют коллективные формы деятельности, в которые оказывается включенной личность. В основе национальных интересов лежат интересы социальные, различающиеся направленностью — политической, экономической, духовной и др. Не случайно, на XXVI съезде КПСС, когда речь шла об удовлетворении интересов населения многонациональных советских республик, ЦК КПСС обратил внимание на то, что «все нации имеют право на должное представительство в их партийных и государственных органах», на необходимость «глубже вникать» в специфические запросы граждан некоренных национальностей в области языка, культуры и быта³⁶. Совершенно очевидно, что национальные интересы могут проявляться в самых различных областях жизни, т. е. поле для них отнюдь не исчерпывается зоной этнокультурных явлений, оно неизмеримо шире, и о каком-либо сужении его в связи с относительным уменьшением этнической специфики в культурно-бытовой жизни говорить не приходится. Другой вопрос, что сами зоны актуализации национальных интересов подвижны, исторически относительно быстро могут меняться, ибо всегда обусловлены социальными интересами. Даже у одного народа вчера — это борьба за государственную независимость, сегодня — обеспечение экономических интересов, заинтересованность в развитии культуры, языка и т. д. На наш взгляд, именно с национальными интересами связано то явление, которое характеризуется С. А. Арутюновым, М. В. Крюковым, К. В. Чистовым как способность этнического самосознания возрождать этническое, особенно в духовной жизни народа³⁷. В фольклорных ансамблях, призванных возрождать, пропагандировать народные песни и танцы, в распространении каких-то элементов материальной культуры, будь то головной убор или восстановленные в традиционном стиле старые районы городов, в сохранении прежних географических названий как этнических символов заинтересованы, естественно, прежде всего деятели культуры. Но популярность их объясняется, на наш взгляд, отнюдь не только потребностью людей в разнообразии впечатлений, в стремлении уйти от стандартизации современной жизни. Все эти явления, если они находят действительно массовое распространение, выполняют консолидирующую функцию, и за ними стоят национальные интересы, основой которых являются те или иные социальные потребности. Не случайно в одних местах оформленные в национальном стиле кафе становятся просто местом отдыха и приема пищи, расшитые косоворотки лежат в магазинах для туристов, а в других — районы восстановленного старого города — место массовых праздников типа Тбилисоби. Надо сказать, что и на историческом, и на конкретно-социологическом материале применительно к нациям и народностям национальные интересы очень мало изучены, хотя это одна из самых актуальных не только социально-психологических, но и политических тем.

Расширение и обогащение самих сфер жизнедеятельности людей в современном обществе служит основанием для возможного выражения в них национальных интересов. Это, конечно, не значит, что в реальной жизни национальные интересы, как осознаваемые широкими массами населения потребности, все чаще проявляются или будут давать о себе знать — все зависит от социальной ситуации в самом широком понимании. Очень часто в СССР национальные интересы совпадают с интересами республик и всего советского общества.

Итак, объективная база национального самосознания трансформировалась (как мог убедиться читатель, база эта рассматривалась нами

³⁶ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенограф. отчет, Т. I, М., 1981, с. 75.

³⁷ См.: Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — Сов. этнография, 1972, № 3, с. 78; Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 39, 46, 50; Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — Расы и народы, 1976, с. 58; *его же*. Китайские ученые о проблемах теории этноса. — Сов. этнография, 1984, № 6, с. 148.

не сама по себе, а по возможности во взаимосвязи с отражением ее в сознании людей). Действительно, ряд объективных оснований для субъективно осознаваемой этничности исчезнет. Прежде всего это касается представлений о чертах, свойствах своего народа. Автостереотипы, как мы видели, вызывают большие трудности с ответами и чаще всего ограничиваются малым набором характеристик, что отражает доминирование общих, а не особенных (национальных, социально значимых) характеристик у советских людей. Размывается этническая специфика в ряде сфер культурно-бытовой жизни народов (именно это служит основанием для выводов об этническом парадоксе: объективная этничность исчезает, субъективная растет). Но обратим внимание — сокращение этнически-специфического в культурно-бытовой жизни отражается главным образом лишь в одном из элементов национального самосознания — национальной идентификации. Даже для такого элемента, как отношение к материальным и духовным ценностям, достижениям своего народа, это не имеет существенного значения. В ориентациях людей место этнически окрашенной традиционной культуры занимает профессиональная, в том числе во вторичных формах, символизирующих традиционную культуру.

Как мы видели, нет оснований считать, что исчезают объективные факторы, обуславливающие существование таких элементов национального самосознания, как представление об общности исторического прошлого, территориальной общности и тем более национальные интересы, базой для которых является вся общественная жизнь народа.

Мы вполне отдаем себе отчет и в том, что к меняющимся условиям жизнедеятельности людей в обществе, влияющим на самосознание, относится очень широкий круг явлений от экономики до политики и идеологии, а совсем не только их компоненты, способные иметь национальные формы проявления. Они выделены постольку, поскольку национальное самосознание порождается и формируется как «психологический механизм» включения индивидуального бытия в жизнь общества, имеющую национальные формы. При этом, сосредотачивая внимание на личностном уровне функционирования национального самосознания, мы непременно учитываем, что сознание личности формируется и развивается в неразрывной связи с сознанием общественным³⁸. Как пишет Б. Ф. Ломов: «Различные виды (формы) общественного сознания так или иначе включаются в систему детерминации психического развития индивида, существенно влияя на формирование его мировоззрения, социальных установок, субъективно-личностных отношений, его сознания в целом, регулируя поведение индивида в обществе»³⁹. Изменение сознания и самосознания, в том числе национального, находится в непосредственной зависимости не только от меняющихся условий жизнедеятельности личности, но и от ее собственной социальной активности.

Если объективную реальность, отражаемую национальным самосознанием, или его базу, условно говоря, можно сравнить с почвой, из которой «прорастает» это «растение», то явления, связанные с повышением социальной активности личности, будут для него «влагой», стимулирующей его рост. Поэтому повышение уровня образования, квалификации, знаний людей, включение их во все новые сферы деятельности, их культурная активность, характерные для современного этапа жизни народов, ведут к росту национального самосознания.

На индивидуальном уровне связь социальной активности человека с развитием отдельных компонентов его национального самосознания специально не изучалась. Но на массовом материале конкретно-социологических исследований в известной мере мы можем судить о влиянии включенности людей в социальный и культурный прогресс на рост их

³⁸ Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973, с. 288; Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.

³⁹ Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984, с. 180.

национального самосознания. Это находит проявление, в частности, в том, что в более образованных и квалифицированных группах набор признаков, по которым люди идентифицируют себя с этносом, заметно полнее и разнообразнее. По данным М. Н. Губогло, специально изучавшего на небольшой выборке молдаван значимость этнических признаков при национальной идентификации, у работников умственного труда шире набор признаков духовной культуры, по которым они себя ассоциируют с этносом⁴⁰. По данным А. А. Кожанова, среди карел и вепсов работники умственного труда в два раза чаще этнически идентифицировали себя по этим признакам, чем работники физического труда⁴¹.

В. В. Пименов, анализируя результаты исследований среди удмуртов, пришел к выводу о том, что в группе интеллигенции не только выраженнее интенсивность выявленных этнических связей, но и обнаруживается профессионально ориентированное сочетание факторов этничности⁴².

О значении образования и вообще знаний для национальной идентификации говорит и тот факт, что лица с невысоким уровнем образования определяют индивидуальные, личностные позиции («я молдаванин, потому что...») подменяют попыткой объяснения групповых особенностей («мы молдаване... такие» — дается набор черт). У людей с более высоким уровнем образования таких определений не бывает (наши наблюдения в этом отношении совпали с результатами исследования А. А. Кожанова)⁴³. Национальное самосознание стимулируют такие факторы, как образование, которое дает представление об истории своего и других народов, их языке, культуре; приобщение к литературе, информации, передаваемой средствами массовой коммуникации, помогая усвоению индивидом общественного опыта; наконец, расширяющиеся непосредственные контакты людей разных национальностей, способствующие межнациональным сравнениям.

Знания как результат отражения общественно-исторической практики, воспринятые нормы, ценности, оценки определяют не только такой элемент национального самосознания, как национальная самоидентификация, о чем речь шла выше, но и другие элементы его: представления об общности происхождения, исторической судьбы, территории, которые тоже обогащаются с повышением уровня образования и активности личности. Не случайно общность исторической судьбы чаще упоминается как признак того, что роднит человека со своим народом, именно лицами из среды более образованных слоев населения. И наконец, национальные интересы, осознаваемые личностью (на наш взгляд, один из самых существенных элементов, характеризующих развитость национального самосознания), также детерминируются ростом социальной заинтересованности людей, расширением сфер их деятельности. Не случайно этносоциологические исследования, проведенные под руководством Ю. В. Арутюняна, показали, что из проблем первостепенной общественной значимости развития национальной культуры, экономического прогресса наций, борьбу с элементами шовинизма и национализма чаще всего называли люди наиболее квалифицированные, городская интеллигенция, особенно представители научно-гуманитарной интеллигенции. Если из сельских молдаван выделили эти проблемы всего около 2%, то в городе — 13%, в том числе среди интеллигенции — более 20%, а научно-гуманитарной прослойки ее — 30%. Причем эти оценки в Молдавской ССР практически совпадали в среде как молдавской, так и русской интеллигенции. В других республиках прослеживалась та же закономерность. И чем больше у исследуемого народа образованных, квалифицированных групп, тем чаще встречались такие выборы. Все это не исключает того, что в целом преобладали общие для всех наро-

⁴⁰ Губогло М. Н. Интегрирующая функция языка. — В кн.: Социолнгвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975.

⁴¹ Кожанов А. А. Указ. раб., с. 96.

⁴² Пименов В. В. Указ. раб., с. 102, 205.

⁴³ Кожанов А. А. Указ. раб., с. 85.

дов интересы, такие, как укрепление мира, обороноспособность государства, укрепление дисциплины, идейное воспитание молодежи и т. д. Общесоветское самосознание и интересы сочетаются с национальными.

Итак, тенденция к размыванию этнической специфики в культурно-бытовой жизни, формирование общечеловеческих, общесоветских черт в людях ощущается в наборе признаков национальной идентификации, в слабой наполненности автостереотипов народов и национальных стереотипов других групп. Действительно, «почва» для идентификации меняется, но идентифицировать себя люди в отношении национальной принадлежности не перестают, а с расширением общей компетентности, знаний они это делают даже свободнее. К тому же для национального самосознания в целом «почва» отнюдь не исчерпывается национальной спецификой в повседневной культурно-бытовой жизни народов, особенностями их психологических черт. База эта, как мы видели, намного шире. Не может исчезнуть историческое прошлое народов. Активно развивается профессиональная культура наций, имеющая национальную форму. Достижения наций в производстве, науке, культуре приумножаются, и это составляет основу для того, чтобы представления о национальных ценностях не размывались. Приведенные данные говорят о выраженной ориентации на национальные ценности, совмещающиеся с ориентациями на общесоветские и общечеловеческие достижения, а это свидетельствует о том, что идет процесс взаимодополнения ориентаций. Национальные интересы имеют основанием все сферы общественной жизни, и здесь о каком-либо размывании «почвы» говорить тоже не приходится. Наоборот, она способна укрепляться. Это не исключает того, что национальные интересы чаще всего совпадают с общесоветскими.

Таким образом, объективная база национального самосознания не исчезает, она просто меняется. Оснований же для роста его становится больше. Как отмечалось в документах Коммунистической партии, «жизнь показывает, что экономический и культурный прогресс всех наций и народностей неизбежно сопровождается ростом их национального самосознания. Это закономерный, объективный процесс. Важно, однако, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям»⁴⁴. Материал конкретных исследований, как мы видели, дает основание для выводов о расширении факторов, стимулирующих рост национального самосознания.

Данная статья не может претендовать, естественно, на полное раскрытие всех факторов, способных стимулировать развитие национального самосознания. Она является лишь попыткой рассмотреть имеющиеся материалы этносоциологических исследований в первом приближении. Формирование и развитие национального самосознания следует рассматривать более полно и конкретно в ракурсе социологических, этнографических и психологических концепций. В частности, признавая значение этнопсихологического подхода к изучению данного феномена, мы должны сказать, что пока еще нет ни необходимых концепций для изучения механизма его функционирования, ни достаточных эмпирических материалов. Вместе с тем накопленные этносоциологические и этнографические факты уже требуют социально-психологического объяснения.

Что касается взаимосвязи роста национального самосознания и развития межнациональных отношений, то это вопрос специальный, нам уже приходилось его касаться⁴⁵. Вывод сводился к тому, что в нашей стране при благоприятных социальных и политических условиях рост национального самосознания не препятствует развитию дружественных

⁴⁴ Андропов Ю. В. Указ. раб., с. 11.

⁴⁵ См. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Кондратьев В. С., Суколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М.: Наука, 1984, с. 217—219.

межнациональных отношений. Он может стать основой для укрепления советского патриотизма, как национального, так и общегосударственного. Задача общества состоит в том, чтобы не допускать неблагоприятных социальных ситуаций, способных породить гиперболизацию национального самосознания и разобщать народы. Изучение способов предотвращения таких ситуаций, а также идеологических факторов и психологических механизмов формирования национального и общесоветского сознания людей, направление их в сторону позитивного межнационального взаимодействия — задача предстоящих исследований.

Н. Г. Волкова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Интерес к этнической истории (ЭИ) народов мира всегда был характерен для отечественной этнографической науки, хотя в историографии проблемы явственно прослеживаются периоды, когда интенсивность ее изучения несколько снижалась. После последнего по времени спада интереса к вопросам ЭИ, наблюдавшегося во второй половине 1960-х годов, мы вновь стали свидетелями возросшего внимания специалистов к данной проблеме. Импульсом для этого послужила разработка общей теории этноса, поднявшей на новый качественный уровень изучение различных аспектов этнографической науки. Оживлению этноисторических исследований в немалой степени способствовали и дальнейшее накопление обширной научной информации по соответствующим разделам региональной и общей этнографии, а также успехи, достигнутые в последние годы смежными дисциплинами — археологией, этнолингвистикой, этнической ономастикой, этнопсихологией и др.

Безусловно, есть все основания полагать, что интенсивность изучения ЭИ народов мира в дальнейшем еще более возрастет, и это, несомненно, следует рассматривать как положительное явление. Приводить какую-либо аргументацию в пользу этого вряд ли имеет смысл, ибо актуальность и научная значимость изучения этой проблемы очевидна. Однако хочется указать на еще одно немаловажное обстоятельство, делающее интенсификацию работ по ЭИ весьма желательной. В современном мире повсеместно наблюдается рост этнического самосознания, сопровождающийся повышением интереса к историческому прошлому своего народа, к его этнографии, этноспецифическим реалиям быта. Для представителя современного урбанизированного общества стало духовной потребностью найти корни своего этнического существования, познать многообразные процессы, приведшие к формированию той этнокультурной среды, сквозь призму которой он воспринимает окружающий мир. Именно вследствие этого вопросы этногенеза и ЭИ вызывают неизменный интерес у самых широких слоев общественности. Этнографы не вправе не заметить этого интереса и обязаны ответить на него более углубленным и планомерным изучением ЭИ народов мира.

Однако исследования ЭИ в этом направлении в значительной мере тормозятся рядом объективных причин. Важнейшие из них, на мой взгляд, следующие: 1) отсутствие общепринятой дефиниции «этническая история»; 2) связанное с этим нечеткое представление о границах предметной области ЭИ, о комплексе входящих в нее вопросов; 3) неразработанность основ для периодизации ЭИ; 4) неразработанность источниковой базы этноисторических исследований и 5) неразработанность методических приемов для совмещения и корреляции разных видов источников. Совершенно очевидно, что первоочередной задачей специалистов по ЭИ является устранение этих причин, т. е. решение перечис-